

УДК 902.6(470.56)

Н. Л. Моргунова

Е. А. Купцов

Исследования курганного могильника Акоба V в 2005 году

В работе публикуются материалы эпохи бронзы и раннего железного века, полученные в ходе археологических раскопок кургана I курганного могильника Акоба V в Акбулакском районе Оренбургской области. Основным аспектом исследования является определение хронологической позиции исследованных в кургане погребальных комплексов сарматской культуры Южного Приуралья. Значительное внимание уделено реконструкции процесса и определению возможных причин разрушения погребений ранних кочевников, синхронных времени возведения кургана.

Ключевые слова: Южное Приуралье, ранние кочевники, сарматская культура, погребальный обряд, катакомба, разрушение погребений.

В течение полевого сезона 2005 года археологической экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ) были исследованы два курганного могильника в окрестностях с. Акоба Акбулакского района Оренбургской области [13, с. 1—59] (рис. 1, 1).

Результаты комплексных исследований КМ Акоба II, раскопанного полностью, опубликованы и достаточно хорошо известны специалистам [10, 17, 26].

Материалы раскопок кургана I КМ Акоба V, напротив, до настоящего времени не получили широкого освещения в научной литературе, хотя некоторые результаты исследований были опубликованы [9, с. 54]. В данной работе предлагается полное описание материалов кургана и их интерпретация¹.

Несмотря на свою малочисленность, материалы кургана I КМ Акоба V заслуживают внимания исследователей. Представляется, что публикация полученных данных будет весьма актуальна в связи с растущим интересом к археологии древних ограблений [5]. Анализ повреждений костей скелетов кочевников из *погребений 1, 2, 3 и 6* позволяет дополнить имеющиеся сведения о мотивах и процессе древних разрушений и «ограблений» погребальных комплексов сарматской культуры, современные представления о которых базируются в основном на материалах Подонья [29, с. 78—79; 28].

Курганный могильник Акоба V располагается на площадке невысокой первой надпойменной террасы левого берега р. Илек, плавно переходящей в пойму. Расстояние от памятника до современного русла р. Илек в 2005 году составляло около 2 км. Курганный могильник из 4 курганов различных размеров находится на западной окраине небольшого поселка Акоба (отделение ЗАО «Сагарчин») (рис. 1, 2). Территория могильника задернована, пересечена многочисленными тропинками, проселочными дорогами и используется как выгон для скота.

Курган 1 представлял собой насыпь округлой в плане формы диаметром 18 м, высотой 0,57 м с южной стороны и 0,6 м с северной стороны (рис. 2).

Поверхность кургана была задернована и покрыта степной растительностью. С южной и северо-западной сторон кургана на уровне дневной поверхности фиксировались ровики-канавки шириной около 3 метров.

¹ В процессе работы над статьей предварительные выводы, зафиксированные в отчете о раскопках, были переосмыслены и в некоторых случаях скорректированы. В первую очередь это касается количества исследованных в кургане погребений и уточнения типологии могильных ям погребений 2 и 3.

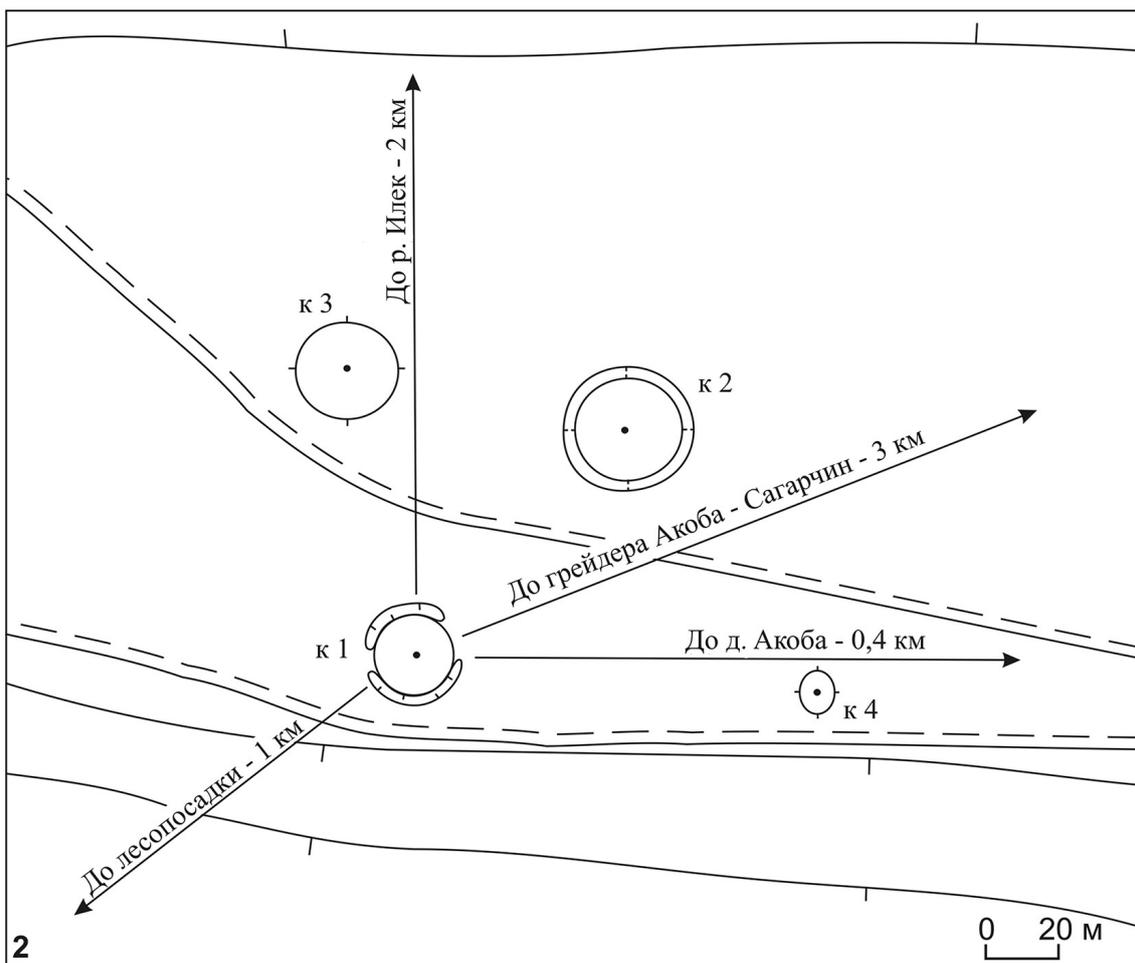
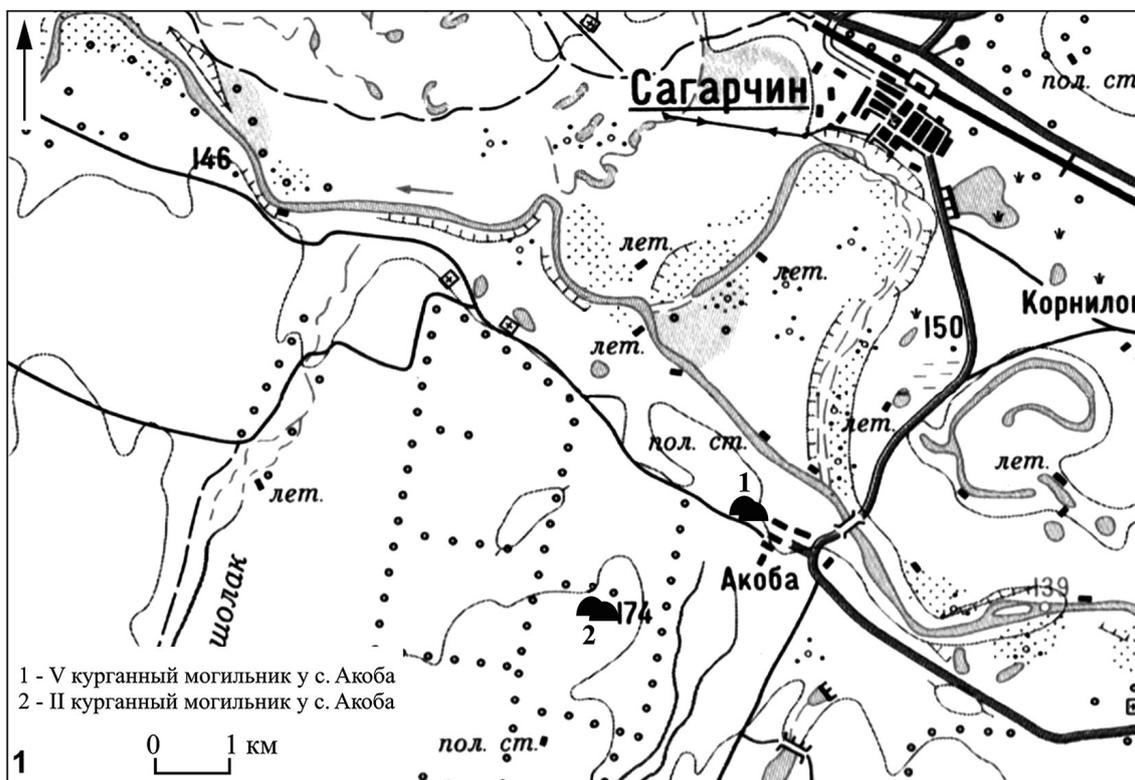

Рис. 1. КМ Акоба V. 1 — ситуационный план расположения V курганного могильника у с. Акоба; 2 — план могильника

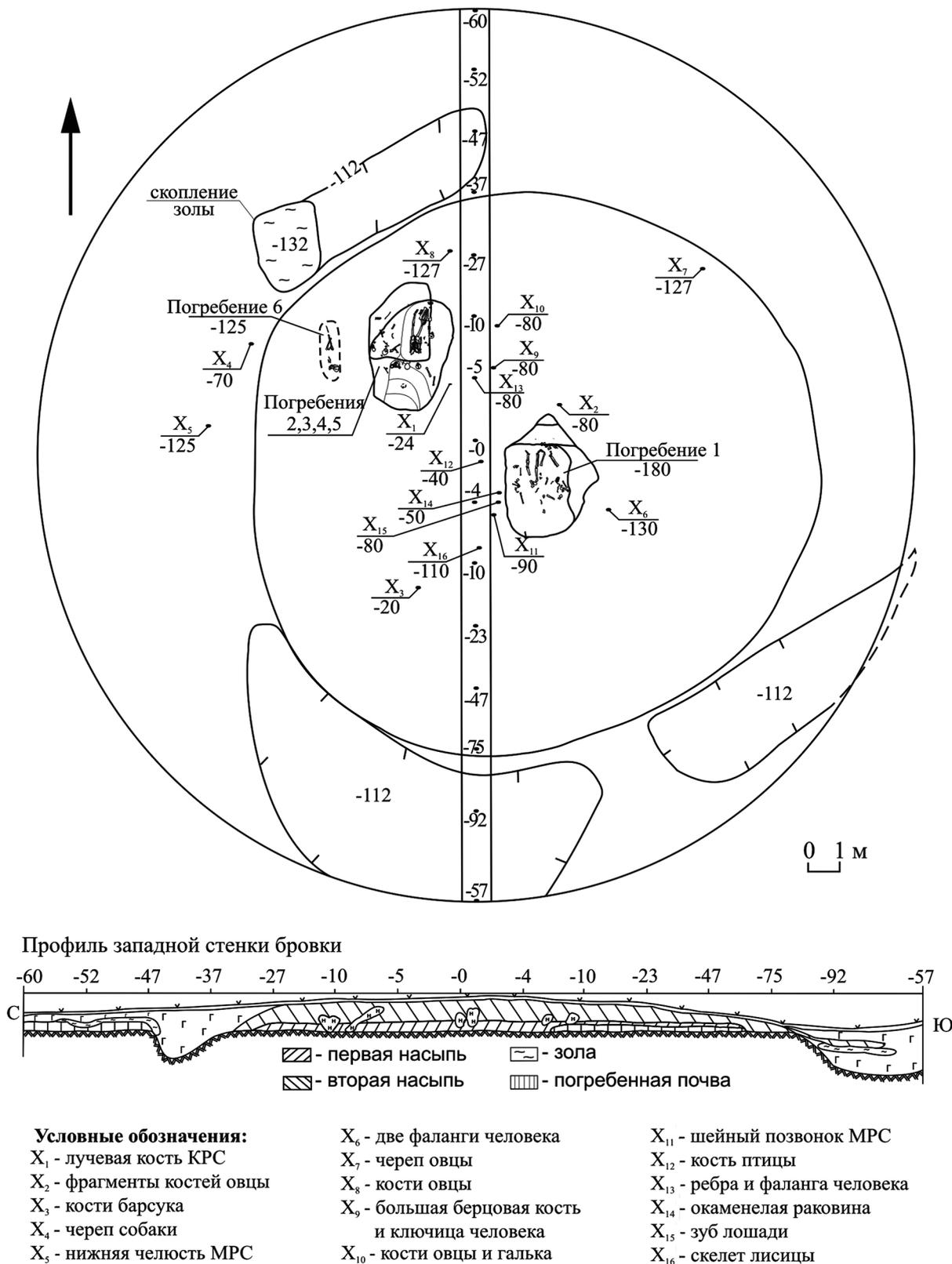

Рис. 2. КМ Акоба V. Курган 1. Общий план и профиль бровки

Раскопки кургана проводились методом параллельных траншей с помощью бульдозера и вручную. Для стратиграфических наблюдений оставлялась одна центральная бровка, ориентированная по линии С—Ю, шириной 0,8 м.

Стратиграфия кургана (рис. 2)

Дерн — гумус серого цвета, мощностью 7—10 см.

Насыпь № 2 — гумусированный суглинок желто-серого цвета, мощностью 60—20 см. С южной стороны насыпь оплывала в ров, границы которого были зафиксированы на уровне материка.

Насыпь № 1 (основная) представляла собой гумусированный суглинок серого цвета, мощностью 30—10 см.

Погребенная почва была срезана в центре подкурганной площадки. Ее удалось проследить только по профилю бровки на отрезках длиной около 6 м в южной части кургана и около 6,5 м — в северной. Она представляла собой суглинок светло-желтого цвета с желтовато-белесыми карбонатными вкраплениями, мощностью 11—19 см.

Материк — глина желтого цвета. Выявлен на глубине –112 см от 0. Все почвенные слои были сильно нарушены норами роющих животных, в некоторых случаях поврежденными ими оказались и погребения.

На уровне материка с южной и северо-западной сторон подкурганная площадка округлой формы диаметром 17,5 м была окружена рвом. С южной стороны ров представлял собой разорванную канавку шириной около 3 м, глубиной 1,5 м. Разрыв-перемычка шириной 2,4 м зафиксирована в юго-восточной части кургана. Заполнение рва представляло собой серый гумусированный суглинок, в котором четко выделялся слой насыпи № 2, оплывшей в ров. Под этим слоем был прослежен слой жирной вязкой золы мощностью около 25—30 см.

В северо-западной части кургана ров представлял собой небольшую канавку шириной от 2,5 м до 3 м, глубиной 1 м. В заполнении южного рва были выявлены следующие слои: гумусированная супесь — оплывшая в ров насыпь № 2; слой золы мощностью около 20 см.

При горизонтальной зачистке на уровне материка в западном конце рва встречены следы кострища. Они представляли собой скопление золы размерами 2,7×1,9 м, мощностью 20 см (рис. 2).

В процессе снятия насыпей на разных глубинах были встречены кости животных и человека¹ (номера находок соответствуют обозначениям на рис. 2):

- X₁ — лучевая кость крупного рогатого скота (–24 см от 0);
- X₂ — фрагменты костей овцы (–80 см от 0);
- X₃ — кости барсука (–20 см от 0);
- X₄ — череп собаки (–70 см от 0);
- X₅ — нижняя челюсть мелкого рогатого скота (–125 см от 0);
- X₆ — две фаланги человека (–130 см от 0);
- X₇ — целый череп овцы (–127 см от 0);
- X₈ — кости овцы (–127 см от 0);
- X₉ — большая берцовая кость и ключица человека (–80 от 0);
- X₁₀ — кости овцы и галька (–80 см от 0);
- X₁₁ — шейный позвонок мелкого рогатого скота (–90 см от 0);
- X₁₂ — кость птицы (–40 см от 0);
- X₁₃ — ребра и фаланга человека (–80 см от 0);
- X₁₄ — обломок окаменелой раковины (–50 см от 0);
- X₁₅ — зуб лошади (–80 см от 0);

¹ Антропологические определения сделаны аспирантом Института этнологии и антропологии РАН (по состоянию на 2005 г.) С. Ю. Фризенем (Москва). Анализ остеологических материалов и их определения — научным сотрудником Института экологии УрО РАН П. А. Косинцевым (Екатеринбург).

X₁₆ — скелет лисицы (–110 см от 0).

В центре и северо-западной части подкурганной площадки на глубине –112 см от 0 на уровне материка были зафиксированы два могильных пятна различных размеров. Как удалось установить позднее, одно из пятен маркировало коллективное *погребение 1*. Второе могильное пятно образовалось в результате последовательного частичного наложения друг на друга четырех одновременных захоронений и следов их ограбления. Кроме того, в процессе работы в северо-западной части подкурганной площадки было выявлено немного углубленное в материк женское погребение, границы которого не прослеживались.

Погребение 1 (рис. 3, 1). Находилось в центральной части подкурганной площадки в 1 м к В от 0. Могильное пятно аморфной формы с размытыми границами имело размеры 400×340 см и было вытянуто по линии С—Ю. Погребение совершено в широкой яме со ступеньками вдоль северной и восточной ее стенок. С северной стороны первая ступенька покато́й формы была выявлена на глубине –122 см от 0 и имела размеры 35×72 см. Вторая ступенька с ровной поверхностью располагалась ниже — на глубине –142 см от 0. Ее размеры составляли 65×215 см. Ступенька вдоль восточной стенки ямы размером 250×100 см была зафиксирована на глубине –149 см от 0, дно ямы — на глубине –180 см от 0. Могильные ямы этого типа широко распространены у сарматов с VI по II в. до н.э. [23, с. 80, табл. 2; 18, с. 20, 23, табл. 1].

Заполнение погребения представляло собой суглинок серого цвета, перемешанный с материковым грунтом. Стенки ямы были изрезаны норами сусликов. В заполнении на разных глубинах от –117 см до –180 см от 0 встречались разрозненно угольки и человеческие кости: фрагменты таза, фрагмент большой берцовой кости, фрагменты черепов, позвонки, нижняя челюсть, ключица, ребра, кости рук.

На дне могилы на глубине –180 см от 0 в анатомическом порядке располагались большие и малые берцовые кости ног двух погребенных. Ноги у *косяка № 1* вытянуты. Бедренная кость его левой ноги разрублена. Ноги *косяка № 2* уложены ромбом в позе «всадника». Верхние части скелетов не сохранили анатомического порядка, кроме костей одной кисти руки, видимо принадлежавшей *косяку № 2*. Фрагменты черепов, фаланги и кости рук лежали разрозненно. Судя по расположению фрагментов черепов и костей ног, погребенные были ориентированы головой на Ю. У восточной стенки могильной ямы на глубине –165 см и –170 см от 0 найдены фрагменты черепа. На одном из фрагментов имелось отверстие (возможно, выхода нервного канала), окрашенное в зеленый цвет, вероятно, от окисления металлического предмета. Здесь же, возле фрагмента черепа, на глубине –177 см от 0 был найден железный наконечник стрелы.

Наконечник стрелы — трехлопастный черешковый с треугольной головкой, слегка расширяющейся у концов граней (рис. 4, 1). Грани чуть опущены. Черешок короткий, заостренный книзу. Общая длина наконечника вместе с черешком 4,5 см (длина головки составляет 3,5 см). Данный наконечник относится к типу 5 (по А. М. Хазанову) или же типу 12 вариант 3 (по А. С. Скрипкину) раннесарматских наконечников стрел [25, с. 37, 154, табл. XIX; 22, с. 72—73, 140—141, рис. 23—24]. В памятниках сарматской культуры время распространения таких наконечников приходится на III—II вв. до н.э. [25, с. 154].

В южной части ямы на глубине –170 см от 0, возле ног *косяка № 2*, зафиксированы остатки напутственной пищи в виде ребер лошади. Другие находки в погребении отсутствовали.

По антропологическим данным, в погребении находились кости трех мужчин, одному из них 50—60 лет, двум другим около 40 лет. Раса не установлена.

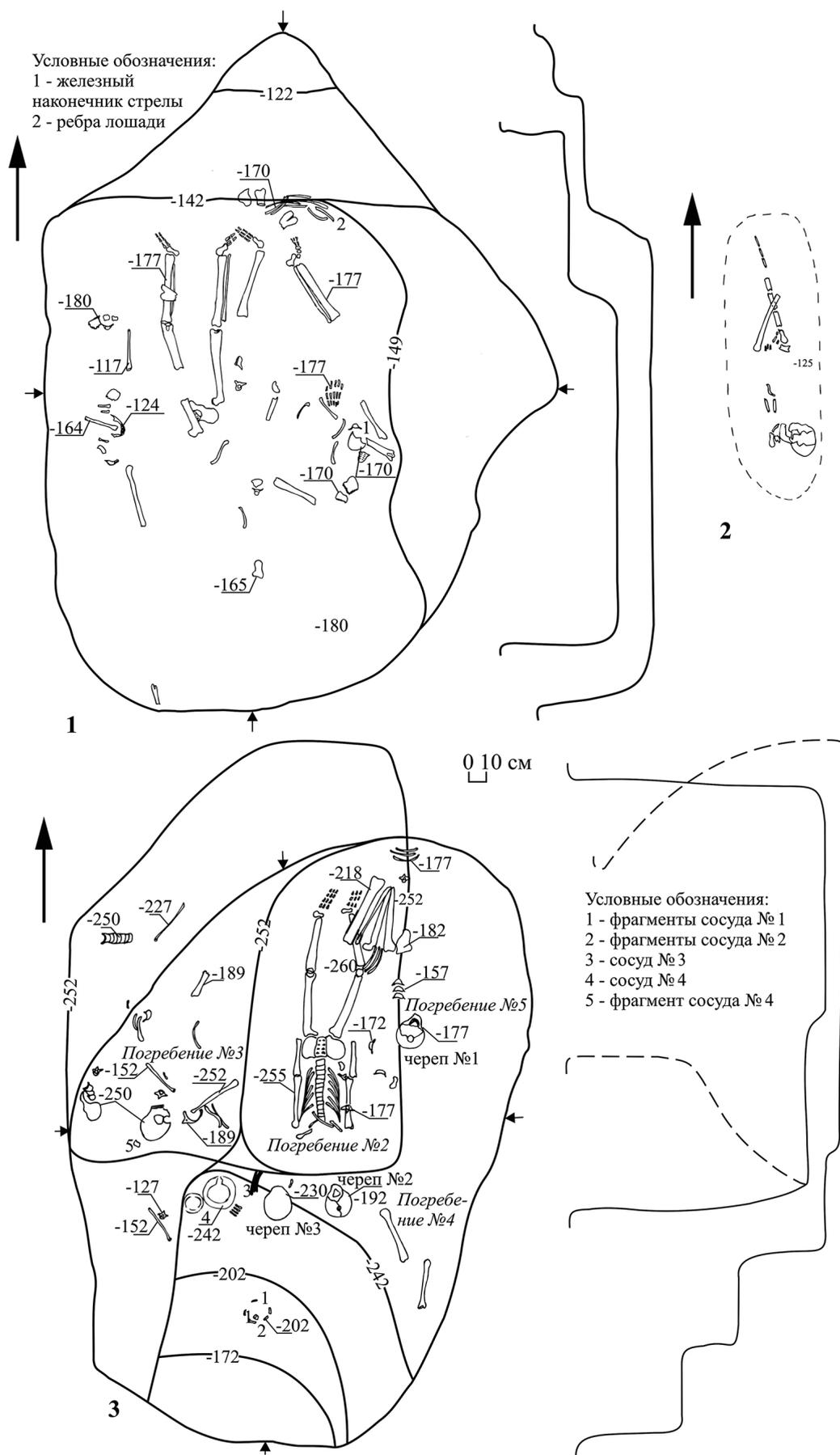

Рис. 3. КМ Аюба V. 1 — погребение 1; 2 — погребение 6; 3 — погребения 2, 3, 4, 5

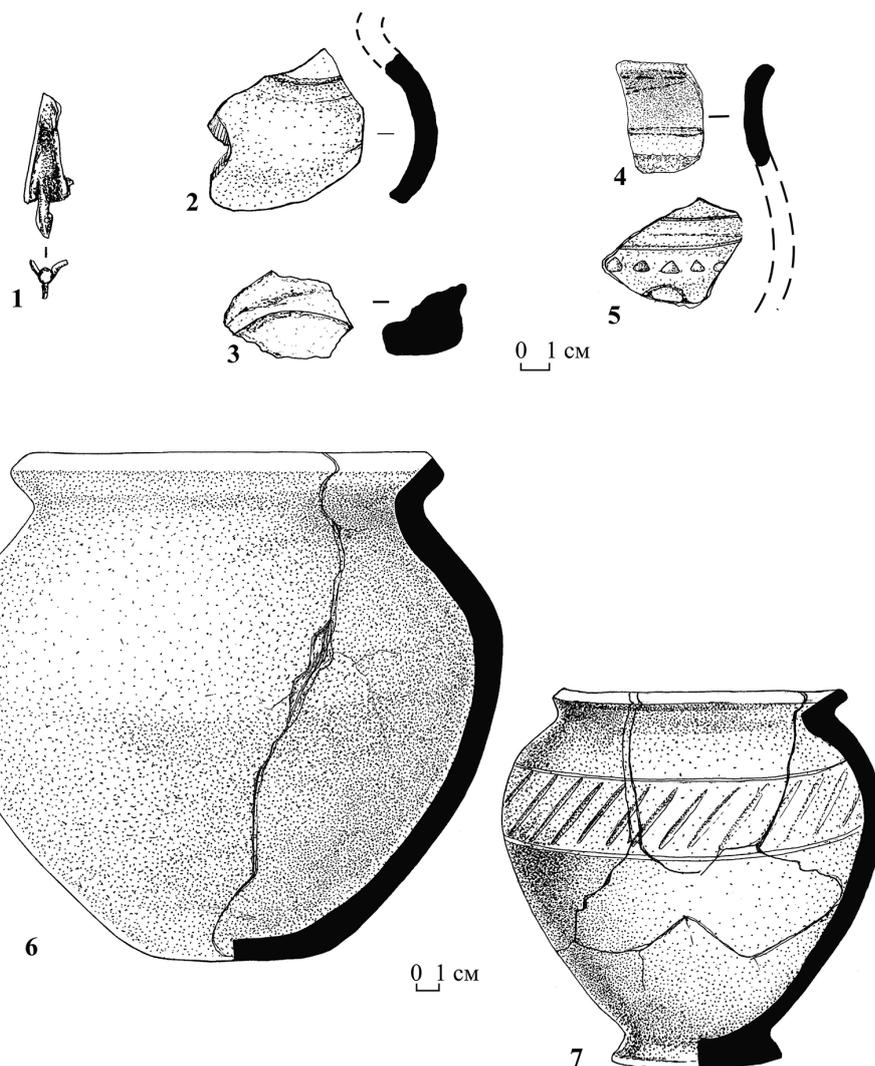

Рис. 4. КИ Акоба V. Курган 1. Инвентарь.

Погребение 1: 1 — железный наконечник стрелы. Погребение 4: 2, 3 — фрагменты сосуда № 1; 4, 5 — фрагменты сосуда № 2. Погребение 3: 6 — сосуд № 3, 7 — сосуд № 4

Судя по расположению костных останков погребенных в могиле, третий мужчина похоронен здесь не был [13, рис. 291]. Можно предположить, что его кости попали сюда случайно при сооружении или «ограблении» могилы. Этот вывод подтверждается разрозненными находками ребер и фаланг человека в центральной части насыпи кургана, на глубине –80 см от 0 (рис. 2). Согласно антропологическим данным, высока вероятность их связи с погребениями 4 и 5, сооружение и разрушение которых хронологически предшествовало времени совершения погребения 1.

Погребения 2, 3, 4 и 5 (рис. 3, 3). В северо-западной части кургана в 2,1 м к ССЗ от центрального репера на глубине –112 см от 0 было выявлено второе могильное пятно аморфной формы, вытянутое по линии С—Ю. Размеры пятна составляли 335×252 см. Дальнейшее исследование показало, что основа рисунка пятна образована контурами нескольких погребальных сооружений, прорезавших друг друга. Самое значительное из них — погребение сарматского времени в катакомбе с обрушившимся сводом погребальной камеры (*погребение 2*). Непосредственно к катакомбе примыкало еще одно сарматское захоронение, совершенное в подбойной могиле и впоследствии разрушенное (*погре-*

бение 3). Ранее сооружения сарматских погребений в этом секторе кургана находились две могилы эпохи поздней бронзы (*погребения 4 и 5*), поврежденные или ограбленные в скором времени после сооружения. *Погребение 4* было окончательно разрушено при сооружении сарматской катакомбы. *Погребение 5*, оказавшееся выше уровня потолка катакомбной могилы, значительно сместилось при обрушении ее свода.

Погребение 2 совершено в катакомбе продольного типа, вытянутой по линии С—Ю с небольшим отклонением к В. Отсутствие следов древесины во входной яме катакомбы, вероятно, свидетельствует о том, что захоронение изначально планировалось как одноактное, без возможности последующего подзахоронения.

Заполнение входной ямы от глубины –112 до –189 см от 0 составлял светло-серый гумусированный суглинок, перемешанный с материковым грунтом. На глубине от –189 см от 0 и до –260 от 0 (до уровня дна) заполнение представляло собой чистый материковый грунт.

В южной части входной ямы были сделаны ступеньки, ведущие в погребальную камеру. Первая ступенька шириной 47 см была выявлена на глубине –172 см от 0. Она плавно переходила во вторую ступеньку шириной около 50 см, зафиксированную на глубине –202 см от 0. На ней были встречены фрагменты двух сосудов (*№ 1 и 2*), относившихся к разрушенному *погребению 4* (рис. 3, 3; 4, 2—5).

Вторая ступенька резко опускалась вниз до глубины –242 см от 0, где была обнаружена третья ступенька, плавно сужающаяся к восточной стенке ямы. В самой широкой части третья ступенька имела ширину 55 см. На ее уровне находились два сосуда (*№ 3 и 4*) и четыре фаланги пальцев кисти человека, принадлежавшие разрушенному сарматскому *погребению 3*¹ (рис. 3, 3; 4, 6—7).

На ступеньке 3 входной ямы катакомбы на глубине –230 см от 0 был найден череп мужчины 25—30 лет европеоидного типа (череп № 3 на рис. 3, 3). На дне погребальной камеры на глубине –260 см от 0 находился скелет взрослого человека без головы. По данным антропологов, череп из заполнения погребальной камеры принадлежал именно ему. Погребенный был ориентирован головой на Ю и лежал вытянуто на спине в «атакующей» позе (правое колено выставлено вперед). На костях ног и таза погребенного прослежены фрагменты кожи (остатки одежды или покрывала). Других находок в погребении не встречено.

Продольные катакомбы II типа (по К. Ф. Смирнову) или типа 6А (по А. С. Скрипкину) хорошо известны в памятниках сарматской культуры [24, с. 74—75, рис. 1; 6, с. 225; 22, с. 179—184]. На территории Южного Приуралья такие катакомбы появляются уже в IV—III вв. до н.э., но время наибольшего их распространения приходится на III—II вв. до н.э. [6, с. 223—225; 23, с. 183].

Следует отметить, что у ориентированных по линии С—Ю катакомб при южной ориентировке покойного входная яма, как правило, расположена у северной стенки ямы, а погребальная камера — у южной [18, с. 21; 25, с. 74—75; 6, с. 223]. Ситуации, подобные аковинской, мало известны в Южном Приуралье. Аналогичная схема прослежена, например, в погребениях 8, 14 и 18 кургана 9 II Шумаевского КМ. Все три комплекса однотипны по всем показателям (в том числе — по стратиграфии), являются самыми поздними в кургане и по инвентарю датируются в пределах конца III — первой половины II в. до н.э. [15, с. 138—140, 158—160, 168—170, 260].

¹ В этом месте, очевидно, катакомба *погребения 2* прорезала угол подбойного *погребения 3*. Из-за особенностей грунта, деятельности землеройных животных и грабительского перекопа точно установить границу, разделяющую эти два погребения, невозможно.

Погребение 3 располагалось западнее *погребения 2* (рис. 3, 3). Вероятнее всего, оно было совершено в подбойной могиле, ориентированной по линии С—Ю, с погребальной камерой в восточной стенке. В пользу этого предположения свидетельствуют глубина залегания погребального инвентаря и разрозненные останки человеческого скелета, лежавшие в материковом грунте [13, рис. 304, 305]. Свод подбоя, видимо, частично был разрушен при ограблении погребения и впоследствии обвалился полностью.

Кости человека встречались на глубине от –152 см до –252 см от 0. На дне могильной ямы на глубине –252 см от 0 были зафиксированы отдельные кости человека без анатомического порядка: череп, ключица, отдельные позвонки, часть позвоночного столба в сочленении, фрагменты ребер, крыло таза, кости одной руки, несколько фаланг. В кости таза погребенного находился железный трехгранный стержень с обломанным черешком (фрагмент наконечника стрелы). Отверстие вокруг было окрашено в цвета зеленовато-голубых оттенков.

Череп лежал на правом виске, лицом на В. Согласно выводам антропологов, все кости человека, обнаруженные в заполнении и на дне ямы, принадлежали одному человеку. Это был мужчина европеоидного типа в возрасте 25—30 лет. Погребенный был ориентирован головой на юг. В 10 см к 3 от черепа был обнаружен фрагмент сосуда № 4, что доказывает принадлежность именно этому погребению сосудов и фаланг пальцев человека, встреченных на уровне третьей ступеньки катакомбы.

Сосуд № 3 (рис. 4, 6) лепной, тулово яйцевидной формы с резко отогнутым венчиком. Типологически относится к яйцевидным сосудам (II отдел лепной круглодонной керамики по классификации М. Г. Мошковой) [18, с. 28, табл. 9, 10]. Высота сосуда 20,5 см, диаметр венчика 17,5 см, максимальный размер тулова 22,5 см, диаметр дна 7 см. Поверхность сосуда светло-коричневая с темно-серыми пятнами без орнамента. В изломе стенки сосуда черные, в глине примеси шамота и навоза. Дно у сосуда слегка уплощено и визуально практически не фиксируется. Уплотнение дна, очевидно, произошло в период изготовления сосуда по причине оседания еще сырого изделия под собственной тяжестью [9, с. 55—56]. В памятниках сарматской культуры Южного Приуралья сосуды такого типа получают распространение в IV—II вв. до н.э. [18, с. 28]. Типологически очень близкий сосуд, но меньшего размера был встречен за головой и чуть правее погребенного в подбойном захоронении 2/2 Покровка I¹ [27, с. 8, 114, рис. 7, 35.4].

Сосуд № 4 — лепной, плоскодонный, на поддоне с широким венчиком, отогнутым под углом (рис. 4, 7). Относится к 7 типу II группы лепной керамики по классификации М. А. Очир-Горяевой [19, с. 84, 87]. Котловидные сосуды относительно редко встречаются в памятниках сарматской культуры.

Общая высота сосуда составляет 15,2 см, максимальный диаметр тулова 15,2 см, толщина стенок — 0,7 см. Ширина венчика 1,7 см, диаметр венчика 11,9 см, высота поддона 1,2 см, диаметр дна поддона 6,7 см. Поверхность сосуда черная с серыми пятнами. В изломе стенки черные, в глине примеси шамота и органики. На внутренних стенках сильный нагар. По середине тулова сосуд по всей окружности украшен орнаментальным поясом шириной 3 см, представлявшим собой две горизонтальные линии, между которыми нанесены косые насечки.

Технологический анализ керамики, проведенный Л. А. Краевой, свидетельствует в пользу местного происхождения *сосудов № 4* и 3. При изготовлении обоих этих сосудов применен идентичный, использовавшийся еще в VI—V вв. до н.э., рецепт формовочной массы, представляющий собой соединение пластичного сырья, шамота и органических добавок [9, с. 54, 57].

¹ Числитель — номер кургана, знаменатель — номер погребения.

Аналогичный по типу сосуд, но с примесью талька в тесте найден в погребении IV—III вв. до н.э. 5/1 КМ Переволочан в Башкирском Приуралье. Интересно отметить, что и этот сосуд происходит из подбойного погребения и также располагается за головой и чуть правее погребенного [20, с. 64—67, рис. 3].

По мнению Л. А. Краевой, *сосуды № 3 и 4* датируются в пределах III—II вв. до н.э. [9, с. 54].

Еще одной находкой в погребении является *железный трехгранный наконечник стрелы* с обломанным черешком [13, с. 45, рис. 306]. Точно установить тип наконечника не представляется возможным. Железные трехгранные черешковые наконечники стрел были распространены у сарматов в период с IV по II в. до н.э. [18, с. 32; 25, с. 36].

Погребение 4 обозначено фрагментами двух сосудов и разрозненными костями человека (рис. 3, 3). Очевидно, оно было потревожено вскоре после совершения погребения и окончательно разрушено при устройстве катакомбы.

Сосуд № 1 — лепной, представлен двумя фрагментами дна и одним фрагментом стенки (рис. 4, 2—3). Судя по фрагментам, он был небольшой по размерам, на поддоне. Форму и размеры сосуда восстановить невозможно. Реконструируемый диаметр поддона 7 см. Толщина стенок сосуда 0,7 см, высота поддона 1 см. Поверхность фрагментов светло-коричневая с серыми пятнами, в изломе черного цвета.

Сосуд № 2 — лепной, представлен мелкими черными фрагментами (около 20 шт.) (рис. 4, 4—5). Часть фрагментов орнаментирована мелкозубчатым штампом горизонтальными линиями, под которыми идет ряд треугольных вдавлений. Толщина стенок сосуда 0,6 см. В изломе стенки черные. Форма и размеры сосуда не восстанавливаются.

В 80—90 см северо-восточнее этих сосудов, на глубинах от –135 см до –192 см от 0, были встречены лежавшие по отдельности две плечевые кости и череп человека, уложенный лицевой частью вниз (череп № 2 на рис. 3, 3).

По сосудам погребение датируется эпохой поздней бронзы.

Погребение 5 — в заполнении катакомбы на глубине от –157 см от 0 до –182 см от 0 были зафиксированы лежащие без анатомического порядка крыло таза, позвонки, ребра, пяточная кость и череп человека. Череп был уложен лицевой частью вниз (череп № 1 на рис. 3, 3). Судя по расположению костей ног, покойный был погребен в скорченном положении.

Вскоре после сооружения или, по крайней мере, еще до полного разложения трупа **погребение 5** было ограблено или потревожено. Об этом свидетельствует тот факт, что, несмотря на отсутствие общего анатомического порядка костей погребенного в могиле, лежащие разрозненно кости ног, позвонки и ребра частично такой порядок сохраняют.

Погребение 6 было зафиксировано на уровне материка на глубине –112 см от 0 (рис. 3, 2). Границы ямы не прослеживались. Погребение немного углублено в материк — его дно зафиксировано на глубине –125 см от 0. Погребенная женщина 50—60 лет европейской расы лежала на правом боку, головой на Ю. Скелет представлен не полностью: у погребенной отсутствовали кости грудной клетки, позвоночник, большие берцовые кости, малая берцовая кость левой ноги, фаланги пальцев ступней, крыло таза. Зафиксированы фрагмент от плечевой кости длиной 6 см, по одному фрагменту от лучевых костей рук, кость ключицы, один фрагмент таза, бедренные кости ног и малая берцовая правой ноги. Правая бедренная кость была разрублена на четыре фрагмента по 10 см, а малая берцовая — на три фрагмента по 6 см длиной. Сохранился череп человека и один шейный позвонок. Между ног, на месте, где анатомически должны располагаться кости таза человека, лежали фаланги пальцев двух рук. Других находок в погребении не было.

Принадлежность погребения к сарматской культуре определяется южной ориентировкой покойной женщины и характером разрушения ее скелета, во многом совпадающим со схемой разрушения костяков в *погребениях 1 и 3*.

Кроме этого, в 5,5 м к ССВ от центрального репера, в насыпи кургана, на глубине –80 см от 0 было зафиксировано скопление костей овцы и каменная галька, которые, вероятнее всего, являются *жертвенным комплексом* [13, рис. 278, 288]. Соотнести его с каким-либо захоронением и тем более датировать — достаточно сложно. Тем не менее подобные жертвенные комплексы известны во 2 и 6 курганах Лабазовского КМ¹, где их отношение к эпохе раннего железного века не вызывает сомнений [14, с. 26—27, рис. 166].

Хронологическая позиция погребений. Несмотря на крайнюю малочисленность погребального инвентаря и значительный характер разрушений, можно утверждать, что *погребения 4 и 5* являются наиболее ранними захоронениями кургана 1 КМ Акоба V и сооружены в эпоху поздней бронзы. С этими погребениями связано возведение первой насыпи кургана.

Относительную синхронность разрушения *погребений 4 и 5* подтверждает следующая специфическая черта: в обоих случаях черепа покойных, видимо, были специально отделены от тела и размещены лицом к земле. Подобные действия с головой погребенного сразу после смерти или через определенный срок после совершения захоронения неоднократно зафиксированы как в этнографических, так и археологических источниках [2, с. 3—5].

Погребения 1, 2, 3 и 6 относятся к раннему железному веку. Типы могильных ям, находки железных наконечников стрел и керамических сосудов позволяют, в известной степени, уточнить время совершения этих захоронений.

Погребения ранних кочевников кургана 1 КМ Акоба V можно уверенно датировать в пределах IV—II вв. до н.э. Тем не менее находки железных наконечников стрел и сочетание в кургане могил катакомбного и подбойного типов позволяют ограничить время этих захоронений III—II вв. до н.э.

Есть все основания предполагать, что катакомбное *погребение 2* хронологически является самым поздним захоронением кургана. Очевидно, с его сооружением связано возведение второй курганной насыпи. Косвенно это предположение подтверждается тем, что данное погребение является единственным непо потревоженным сарматским захоронением в кургане. Грабительские воронки на современной поверхности кургана не фиксировались, поскольку, очевидно, были полностью сnivelированы именно вследствие сооружения этой второй насыпи. Зола и следы кострищ, зафиксированные во рвах, вероятнее всего, свидетельствуют о проведении очистительных или охранных обрядов во время сооружения второй курганной насыпи, очевидно призванных предотвратить дальнейшее «ограбление» покойных.

Процесс и мотивы разрушения *погребений 1, 3, 6* представляют особый интерес. Видимо, разрушение происходило через относительно небольшой промежуток времени после совершения этих захоронений. Время, необходимое для полного разложения мягких тканей захороненного в землю трупа, определяется судебной медициной в пределах 3—5 лет [7, с. 148—149].

При высокой степени повреждения костяков часть костных останков в *погребениях 3 и 6* сохранили свой анатомический порядок. Фаланги пальцев руки, часть позвонков и ребер в *погребении 3* лежали в естественном сочленении, хотя и были значительно сме-

¹ В настоящее время материалы впускных погребений ранних кочевников из курганов у с. Лабызы в Курманаевском районе Оренбургской области готовятся к публикации.

щены с места их первоначального положения. Бедренная и малоберцовая кости правой ноги женщины из *погребения 6*, несмотря на многочисленные разрубы, сохранили анатомический порядок. В полной сохранности оказался отделенный от тела череп (нижняя челюсть находилась на своем месте). В естественном порядке зафиксированы лежащие на месте отсутствующих тазовых костей фаланги пальцев руки.

Складывается впечатление, что степень разложения тел в *погребениях 1, 3 и 6* на момент разрушения была различной. Разложение мягких тканей у покойных мужчин из *погребения 1*, видимо, уже находилось в стадии завершения. В то же время тела мужчины и женщины из *погребений 3 и 6* в значительной степени мягкие ткани еще сохраняли. Исходя из местоположения сохранившихся костей в *погребении 6*, можно с большой долей вероятности предполагать, что степень разложения трупа во время «ограбления» этого захоронения была невысока.

Если наши наблюдения относительно времени ограбления верны, то ориентиром «грабителям» вполне могли служить внешние признаки вновь совершенного захоронения. Ими, скорее всего, являлись контуры свежей могильной ямы, четко выделяющиеся на поверхности задернованной курганной насыпи, или же, в случае маскировки ее дерном, небольшой просад грунта, появляющийся, в зависимости от природных условий и свойств почвы, через несколько месяцев или лет после совершения захоронения. Вероятность этого предположения подтверждается следующими фактами: во всех трех случаях, судя по глубинам залегания костных останков, «грабители» копали сверху вниз, при этом сразу попадали в погребения и ни разу значительно не нарушили их границ.

Очевидно, мотивы разрушения сарматских погребений кургана 1 КМ Акоба V не были связаны с ограблением могил с целью получения наживы. Еще К. Ф. Смирнов отмечал, что впущенные в курганы эпохи бронзы погребения кочевников савроматского времени в основном оставлены рядовым населением [23, с. 76]. Аналогичная ситуация сохраняется и у носителей «прохоровской» археологической культуры. Материалы, полученные Оренбургской археологической экспедицией в течение почти 40 лет исследований впускных сарматских комплексов Южного Приуралья, позволяют говорить об этом вполне определенно [4]. Как правило, погребения кочевников IV—II вв. до н.э., совершенные в курганах эпохи бронзы в пойме или на невысоких первых террасах рек, не отличаются богатством инвентаря. Здесь практически нет изделий из драгоценных металлов и достаточно редки находки предметов вооружения, что свидетельствует о захоронении в них рядовых кочевников [8, 11, 12, 16].

О том, что акобинские погребения оставлены именно этой категорией населения, свидетельствует не только топография могильника. Характерная для сарматских захоронений напутственная пища представлена ребрами лошади только в *погребении 1*. Более ни в одном из погребений кости животных не встречены, хотя они и присутствуют в насыпи кургана (рис. 2). Лепные сосуды были помещены только в *погребении 3*. Причем, судя по расположению фрагментов, «грабители» их нашли, но, повредив, оставили на месте. Отсутствие сарматской керамики и ее фрагментов в других могилах и насыпи кургана позволяет предполагать, что сосуды были помещены только в этом погребении. Таким образом, вероятно, данные погребения принадлежали не просто рядовым кочевникам, а относительно малоимущим их представителям. Именно поэтому версия обыкновенного «ограбления» сарматских погребений кургана 1 КМ Акоба V представляется маловероятной.

Особенностью сарматских погребений КМ Акоба V является наличие у большинства погребенных прижизненных травм, в некоторых случаях, очевидно, приведших к летальному исходу. Механические повреждения костяков, с большой степенью вероятности являющихся боевыми, встречены только у погребенных мужчин.

К явным повреждениям такого характера относится зафиксированная в *погребении 2* декапитация. Вероятно, причиной смерти погребенного явилось отсечение головы, впоследствии похороненной вместе с владельцем.

Свидетельством боевого ранения является глубоко засевший в тазовой кости мужчины из *погребения 3* железный наконечник стрелы. Данное повреждение не являлось смертельным для человека, о чем свидетельствуют следы облитерации (по краям отверстия образовалась костная ткань). Отметим, что этот наконечник, окислившись, придал кости зеленый цвет, как от окислов бронзового предмета [13, с. 54, рис. 306].

Вторая группа повреждений носит не столь явный или, скорее, спорный характер. Тем не менее вероятность их отношения к боевым травмам чрезвычайно высока.

В центре чешуйчатой части левой височной кости мужского черепа из *погребения 3* выявлено отверстие около 0,5 см в диаметре, неправильной округлой формы. Характер данного повреждения до настоящего времени не установлен.

В *погребении 1* обнаружен фрагмент черепа с отверстием, окрашенным вокруг в зеленый цвет. Рядом зафиксирован железный наконечник стрелы [13, с. 51—52]. Вряд ли простой случайностью является то, что отмеченные здесь факты практически копируют ситуацию, зафиксированную в *погребении 3* [14, с. 54]. В данном случае находки позволяют предположить наличие у погребенного проникающего ранения головы. Глубина и схема расположения мужских костяков в *погребении 1* указывают на одновременное захоронение двух покойных. В сочетании с возможной боевой и смертельной травмой синхронная смерть обоих мужчин в ходе локального военного столкновения представляется весьма вероятной.

Кроме этих повреждений в *погребениях 1, 3 и 6* прослеживаются вполне определенные параллели в схеме разрушения костяков во время «ограбления». Черепа покойных были либо отделены от тела (*погребения 3 и 6*), либо разбиты на куски (*погребение 1*). Грудная клетка, позвоночник и кости таза разрушены во всех трех погребениях. В тех же погребениях были зафиксированы разрубы костей ног у покойных. Фаланги пальцев и сохранившаяся кисть руки, найденные в *погребениях 1, 3 и 6* в анатомическом порядке, позволяют предполагать, что у покойных были отрезаны пальцы или кисти рук целиком.

Характер повреждения костей в этих погребениях свидетельствует в пользу того, что основной целью «грабителей» было именно разрушение целостности тел покойных. Различная степень разложения тел, зафиксированная по расположению костных останков в этих погребениях, указывает не только на относительную синхронность захоронений, но и на вероятную одновременность их разрушения.

Исходя из анализа прижизненных и посмертных травм погребенных, можно предположить, что причиной разрушения акабинских погребений являлось желание «грабителей» нанести своими действиями вред недружественному кочевому коллективу, для которого курган являлся родовым или семейным кладбищем. Учет археологических и этнографических свидетельств различных эпох делает этот мотив действий наиболее вероятным. Подобную ситуацию для части разрушенных сарматских могил в бассейне Дона допускает С. А. Яценко [28, с. 38]. Разрушение вражеских могил широко практиковалось тюрко-монгольскими кочевниками [1, с. 274]. По некоторым данным, башкиры еще в конце XVI в. при нападениях на поселения неприятеля «уничтожали могильные памятники, вырывали на кладбищах трупы и кости умерших, сжигали или разбрасывали их по нечистым местам» [21, с. 8] и т.д.

В среде кочевых племен локальные военные конфликты могли вспыхивать достаточно часто. Одной из главных причин этих войн, по античным письменным источникам, являлась постоянная борьба за новые территории и жизненно важные для кочевника-ско-

товода природные ресурсы — пастбища и доступ к воде [3, с. 3—4]. Во время ухудшения природно-экологических условий интенсивность таких конфликтов неизбежно должна была нарастать. Очевидно, сарматские погребения КМ Акоба V являются свидетельством эскалации напряженности в степях Южного Приуралья, возникшей в конце III—II в. до н.э. на фоне резкого ухудшения условий обитания кочевников [15, с. 195].

Таким образом, в кургане 1 КМ Акоба V выявлено 6 погребений, содержащих останки 7 человек и жертвенный комплекс. Первая насыпь кургана была сооружена в эпоху поздней бронзы над *погребениями 4 и 5*, разрушенными или ограбленными вскоре после сооружения.

В период III—II вв. до н.э. курган являлся родовым или семейным кладбищем небольшой группы рядовых кочевников сарматской культуры. Ими были оставлены *погребения 1, 2, 3 и 6*. Большая часть из них была разрушена вскоре после своего сооружения, вероятнее всего, членами иной, враждующей группировки. Внешние последствия разрушения *погребений 1, 3 и 6* были устранены путем возведения второй насыпи кургана при сооружении *погребения 2*. Сразу после его сооружения курган, как действующее родовое кладбище, перестал функционировать, что, очевидно, связано с уходом оставившей погребения группы кочевников с данной территории.

Список использованной литературы

1. Балабанова М. А., Перерва Е. В. Новые антропологические данные к изучению погребальных обрядов древнего и средневекового населения северной части Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 268—292.
2. Бобров В. В. Реконструкция обрядовых действий с головой умершего // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : докл. всерос. науч. конф. Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. Ч. 2. С. 3—6.
3. Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н.э. Уфа : Гилем, 2001. 153 с.
4. Евгеньев А. А. Вклад Оренбургской археологической экспедиции в исследование сарматских памятников Южного Приуралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 84—92.
5. Епимахов А. В., Куприянова Е. В. Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограблений и символических захоронений» (Челябинск, 2015 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2015. Т. 15, № 2. С. 115—118.
6. Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Катакомбные захоронения Уральской области // Советская археология. 1978. № 4. С. 218—228.
7. Иванов А. Ю. О некоторых обрядовых и внеобрядовых характеристиках погребений со скорченными костяками // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург : ОГПИ им. Чкалова, 1992. С. 140—155.
8. Краева Л. А. Памятники раннего железного века из западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Печатный дом «Димур», 1999. Вып. 3. С. 176—190.
9. Краева Л. А. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2011. Вып. 4 (48). С. 51—60.
10. Краева Л. А., Моргунова Н. Л. Сарматский курганный могильник Акоба II в Оренбургской области // XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2007. С. 201—203.
11. Крюкова Е. А., Купцов Е. А. Впускные погребения раннего железного века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. Вып. 11. С. 201—213.
12. Мещеряков Д. В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Печатный дом «Димур», 1996. Вып. 1. С. 44—67.

13. Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках курганов у села Акоба в Акбулакском районе Оренбургской области в 2005 году по Открытому листу № 315 // Архив Археологической лаборатории ОГПУ.
14. Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках Лабазовского курганного могильника в Курманаевском районе Оренбургской области по Открытому листу № 965 // Архив Археологической лаборатории ОГПУ.
15. Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. 392 с.
16. Моргунова Н. Л., Дойникова И. В., Краева Л. А. I курганный могильник у с. Буранчи // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. Вып. 6. С. 3—15.
17. Моргунова Н. Л., Краева Л. А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. Вып. 10. С. 156—199.
18. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 56 с. (Свод археологических источников. Вып. Д1—10).
19. Очир-Горяева М. А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста : КалмГУ, 1990. С. 81—92.
20. Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем, 1995. С. 62—96.
21. Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2000. 176 с.
22. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ, 1990. 300 с.
23. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 381 с.
24. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. 1972. № 1. С. 73—81.
25. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука, 1971. 172 с.
26. Хохлова О. С., Гольева А. А. Реконструкция климата и погребальной обрядности по данным изучения курганного могильника Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. Вып. 10. С. 200—211.
27. Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Девис-Кимболл Дж., Егоров В. Л. Раскопки кургановых могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М. : Ин-т археологии РАН, 1994. Вып. 2. 178 с.
28. Яценко С. А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во АГУ, 2013. Вып. 2 (8). С. 25—41.
29. Яценко С. А., Вдовченков Е. В. Ограбление сарматских курганов в древности: методы и цели // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград : Издатель, 2013. Вып. 13. С. 78—90.

Поступила в редакцию 09.03.2016 г.

Моргунова Нина Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая археологической лабораторией

Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: nina-morgunova@yandex.ru

Купцов Евгений Александрович, инженер археологической лаборатории

Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: e-kuptsov@mail.ru

UDC 902.6(470.56)

N. L. Morgunova**E. A. Kuptsov****Research of the Akoba V burial mound in 2005**

The article represent the materials of the Bronze Age and the early Iron Age received during archeological excavations of the barrow 1 of burial mound Akoba V in Akbulak district of the Orenburg region. The main aspect of the research is the identification of a chronological position of the funeral complexes of Sarmatian culture of the Southern Urals. The considerable attention is paid to the reconstruction of the process and the determining of possible causes of destruction of early nomads burials, dating to the time of the barrow construction.

Key words: Southern Cis-Urals, early nomads, Sarmatian culture, funeral ceremony, catacomb, destruction of burials.

Morgunova Nina Leonidovna, Doctor of Historical Sciences, Professor,

Head of the Archaeological laboratory

Orenburg State Pedagogical University

Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19

E-mail: nina-morgunova@yandex.ru

Kuptsov Evgeniy Aleksandrovich, Engineer of the Archaeological laboratory

Orenburg State Pedagogical University

Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19

E-mail: e-kuptsov@mail.ru

References

1. Balabanova M. A., Pererva E. V. Novye antropologicheskie dannye k izucheniyu pogrebal'nykh obryadov drevnego i srednevekovogo naseleniya severnoi chasti Volgo-Donskogo mezhdurech'ya [New anthropological data to the study of funeral rites of the ancient and medieval population of the northern part of the Volga-Don interfluvium]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei* [Materials on archeology of the Volga-Don steppes]. Volgograd, VolGU Publ., 2006, pp. 268-292. (In Russian).
2. Bobrov V. V. Rekonstruktsiya obryadovykh deistviy s golovoi umershego [Reconstruction of the ceremonial actions with the head of the deceased]. *Tret'i istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova : dokl. vseros. nauch. konf.* [Third historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov: rep. of All-Russia scientific conf.]. Omsk, OmGU Publ., 1995, part 2, pp. 3-6. (In Russian).
3. Vasil'ev V. N. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI—II vv. do n.e.* [Weapons and military affairs of the nomads of the Southern Urals in the VI—II centuries. BC]. Ufa, Gilem Publ., 2001. 153 p. (In Russian).
4. Evgen'ev A. A. Vklad Orenburgskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v issledovanie sarmatskikh pamyatnikov Yuzhnogo Priural'ya [Contribution of Orenburg archaeological expedition to the study of Sarmatian sites in Southern Urals]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. "Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii", posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova : sb. statei* [Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology: Proceedings of IX Intern. scientific conf. "Problems of Sarmatian archeology and history", dedicated to 100th anniversary of K. F. Smirnov]. Orenburg, OGPU Publ., 2016, pp. 84-92. (In Russian).
5. Epimakhov A. V., Kupriyanova E. V. Vserossiiskii (s mezhdunarodnym uchastiem) kruglyi stol "Arkheologiya drevnikh ograblenii i simbolicheskikh zakhoronenii" (Chelyabinsk, 2015 g.) [All-Russia round table (with international participation) "Archaeology of ancient robberies and symbolic burial" (Chelyabinsk, 2015)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the South Ural State University*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 115-118. (In Russian).
6. Zhelezchikov B. F., Kriger V. A. Katakombnye zakhoroneniya Ural'skoi oblasti [Catacomb burial in the Ural region]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1978, no. 4, pp. 218-228. (In Russian).
7. Ivanov A. Yu. O nekotorykh obryadovykh i vneobryadovykh kharakteristikakh pogrebenii so skorchenymi kostyakami [Some ritual and non-ceremonial characteristics of burials with crouched skeletons]. *Drevnyaya*

istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepei [The ancient history of the population of the Volga-Ural steppes]. Orenburg, OGPI im. Chkalova Publ., 1992, pp. 140-155. (In Russian).

8. Kraeva L. A. Pamyatniki rannego zheleznoogo veka iz zapadnogo Orenburzh'ya [Sites of the Early Iron Age in Western Orenburg]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg, Pechatnyi dom "Dimur" Publ., 1999, is. 3, pp. 176-190. (In Russian).

9. Kraeva L. A. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki iz pogrebenii rannesarmatskoi kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [Ceramics manufacturing technology of the early Sarmatian burial culture in Southern Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk, In-t arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2011, is. 4 (48), pp. 51-60. (In Russian).

10. Kraeva L. A., Morgunova N. L. Sarmatskii kurgannyi mogil'nik Akoba II v Orenburgskoi oblasti [Sarmatian burial mound of Akoba II in the Orenburg region]. *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauch. konf.* [XVII Ural archaeological conference: scientific materials]. Ekaterinburg, Surgut, Magellan Publ., 2007, pp. 201-203. (In Russian).

11. Kryukova E. A., Kuptsov E. A. Vpusknye pogrebeniya rannego zheleznoogo veka Pleshanovskogo II kurgannogo mogil'nika [Inlet burials of early Iron Age at the burial mound Pleshanovo II]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg, OGPU Publ., 2014, is. 11, pp. 201-213. (In Russian).

12. Meshcheryakov D. V. Vpusknye pogrebeniya sarmatskoi kul'tury v kurganakh na reke Ilek [Inlet burials of the Sarmatian culture in the burial mounds on the Ilek River]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg, Pechatnyi dom "Dimur" Publ., 1996, is. 1, pp. 44-67. (In Russian).

13. Morgunova N. L. Otchet o raskopkakh kurganov u sela Akoba v Akbulakskom raione Orenburgskoi oblasti v 2005 godu po Otkrytomu listu № 315 [The report on the excavations of burial mounds in the village Akoba in Akbulak District of the Orenburg region in 2005 according to open list no. 315]. *Arkhiv Arkheologicheskoi laboratorii OGPU* [Archive of OGPU Archaeological laboratory]. (In Russian).

14. Morgunova N. L. Otchet o raskopkakh Labazovskogo kurgannogo mogil'nika v Kurmanaevskom raione Orenburgskoi oblasti po Otkrytomu listu № 965 [The report on the excavations of Labazy burial mound in Kurmanayevka District of the Orenburg region according to the open list no. 965]. *Arkhiv Arkheologicheskoi laboratorii OGPU* [Archive of OGPU Archaeological laboratory]. (In Russian).

15. Morgunova N. L., Gol'eva A. A., Kraeva L. A., Meshcheryakov D. V., Turetskii M. A., Khalyapin M. V., Khokhlova O. S. *Shumaevskie kurgany* [Shumaevo mounds]. Orenburg, 2003. 392 p. (In Russian).

16. Morgunova N. L., Doinikova I. V., Kraeva L. A. I kurgannyi mogil'nik u s. Buranchi [The first burial mound near Buranchi village]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg, OGPU Publ., 2004, is. 6, pp. 3-15. (In Russian).

17. Morgunova N. L., Kraeva L. A. Kurgannaya gruppa Akoba II [Mound group Akoba II]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg, OGPU Publ., 2012, is. 10, pp. 156-199. (In Russian).

18. Moshkova M. G. *Pamyatniki prokhorovskoi kul'tury* [Prokhorov Culture sites]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 56 p. (In Russian).

19. Ochir-Goryaeva M. A. Klassifikatsiya keramiki iz pogrebenii skifskoi epokhi Nizhnego Povolzh'ya [Classification of pottery from burials of the Scythian epoch of the Lower Volga region]. *Voprosy arkheologii yuga Vostochnoi Evropy* [Archaeological problems in the south of Eastern Europe]. Elista, KalmGU Publ., 1990, pp. 81-92. (In Russian).

20. Pshenichnyuk A. Kh. Perevolochanskii mogil'nik [Perevolochan burial]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Mounds of nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., 1995, pp. 62—96. (In Russian).

21. Raiskii P. D. *Putevoditel' po gorodu Orenburgu* [Orenburg Guide]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2000. 176 p. (In Russian).

22. Skripkin A. S. *Aziatskaya Sarmatiya: problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia: chronology of the problem and its historical aspect]. Saratov, SGU Publ., 1990. 300 p. (In Russian).

23. Smirnov K. F. *Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov* [Savromats. Early History and Sarmatian Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 381 p. (In Russian).

24. Smirnov K. F. Sarmatskie katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya — Povolzh'ya i ikh otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian catacomb burials in the Southern Cis-Urals — Volga region and their relation to the catacombs of the North Caucasus]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1972, no. 1, pp. 73-81. (In Russian).

25. Khazanov A. M. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on military affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 172 p. (In Russian).

26. Khokhlova O. S., Gol'eva A. A. Rekonstruktsiya klimata i pogrebal'noi obryadnosti po dannym izucheniya kurgannogo mogil'nika Akoba II [Reconstructing the climate and the funeral rites according to the study of burial mound Akoba II]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Orenburg, OGPU Publ., 2012, is. 10, pp. 200-211. (In Russian).

27. Yablonskii L. T., Trunaeva T. N., Vedder Dzh., Devis-Kimball Dzh., Egorov V. L. Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 godu [Excavations of burial mounds Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1993]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Mounds on the left bank of the Ilek]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1994, is. 2. 178 p. (In Russian).

28. Yatsenko S. A. O sarmatskikh ogrableniyakh sinkhronnykh kurganov [About Sarmatian robberies of synchronous mounds]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul, AGU Publ., 2013, is. 2 (8), pp. 25-41. (In Russian).

29. Yatsenko S. A., Vdovchenkov E. V. Ograblenie sarmatskikh kurganov v drevnosti: metody i tseli [Robbery of Sarmatian burial mounds in ancient times: methods and goals]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik — The Lower Volga archaeological bulletin*, 2013, is. 13, pp. 78-90. (In Russian).